

Денис ПУШИЛИН

Обыкновенный человек сказал бы: «В конце мая началась война». Только не Анна Ревякина. Её стихотворная строчка сразу накрывает ощущением того времени, когда на стыке весны и лета 2014-го Донецк пронизывало шквальным огнём: «Месяц май неожиданно станет военным июнем...» Мне довелось немало читать поэтических произведений, рождённых трагическими событиями в Донбассе — война действительно обостряет чувства, и у многих они трансформировались в стихи. Но, пожалуй, таких феноменальных, таких донецких, таких шахтёрско-степных проникновенных строк, как у Ани, я не встречал. Хрупкость, лёгкость её слога в совокупности слов, рифм, образов приобретает особую силу. Её поэзия похожа на саму Аню: за внешней беззащитностью — негибкая воля. Как же хочется оградить и Аню, и её героиню, такую живую шахтёрскую дочь Марию, и ещё тысячи, тысячи таких же, как они, от лиха, от чёрной напасти, от воронья и наконец сказать: всё, девочки, у нас мир! И поменять местами глаголы в Аниной строчке «Стало поле минное, а была пашня».

Станислав КУНЯЕВ

ТЫ УЖЕ ЗА ХОЛМОМ!

Читаю стихи Анны и удивляюсь, как она умудряется разглядеть в малом — великое, в подробностях жизни — целое, в обрывках чувств — неразрывную ткань мироздания.

Хочу сказать ей, что жизнь, тем более разбитую вдребезги, рифмами не склеишь и, подобно живой воде, ими не окропишь, но понимаю, что она мне не поверит, потому что рождена для того, чтобы ронять «животворящие слёзы»... Слыша, как она бормочет свою рифмованную прозу, вспоминаю блоковское: «бормотаний твоих жемчуга».

Её поэма о шахтёрской дочери — это современный плач Ярославны из «Слова о полку Игореве», по законам героической поэмы переходящий в гимн сопротивления злу. Этот победный клич тем более естествен, что он разносится над просторами Дикого поля, где на берегах Северского Донца разыгралась много веков назад русская трагедия и где она продолжается сегодня, потому что Ярославна с плачем обращалась к своему князю не на какой-то мове, а на древнерусском языке, что пытался оспорить в шестидесятых годах прошлого века казахский поэт Олжас Сулейменов в книге «Аз и Я», попытавшийся доказать, что автор «Слова о полку» был из племени половцев. Впрочем, овладеть этим куском русского мира пытались многие: турки и шведы, поляки и татары, и даже немцы. Я тогда ответил Олжасу Сулейменову восьмистишием:

Разглядывая каждую строку,
учёный тюрок вывел без сомнений
такую мысль, что «Слово о полку»
пропел в пространство половецкий гений.
Под шум берёз, под шелест ковыля
судьба племён так прихотливо вьётся,
но вспомнишь вдруг: «О русская земля!

Ты за холмом...» —

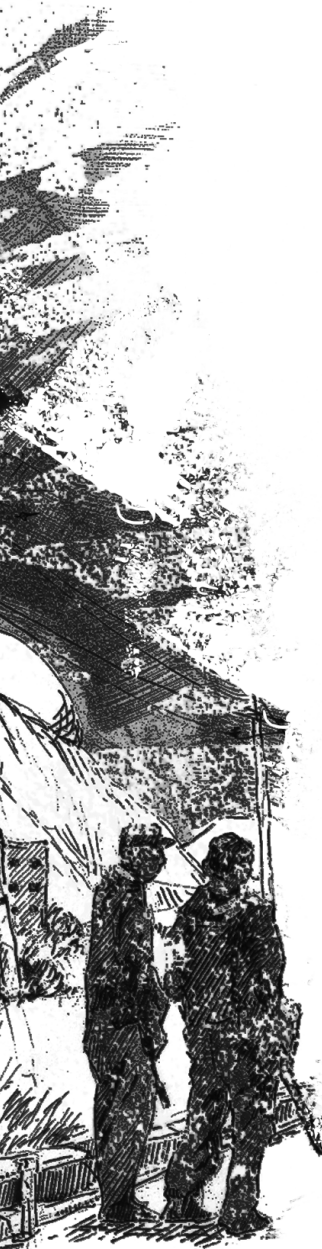
И сердце оборвётся...

Читаю поэму «Шахтёрская дочь» и снова чувствую,
что и «златоглавый Киев», и прифронтовой Донецк,
и «дикое поле» со свежими могилами с незапамят-
ных времён и до сего дня остаются израненными,
расколотыми, распятыми частями великого русского
мира, которому нужна «живая вода»... И вновь смо-
трит Ярославна (она же Анна) на холмы, за которыми
простирается Русская земля, как и во времена князя
Игоря истекающая кровью, и сердце её обрывается,
как обрывалось оно у безымянного автора «Слова
о полку»...

*Моей Марье
и моему Николаю*

I Червоточьями да кровоточьями
зарубцовывается война.
Над полями, что за обочинами,
полно чёрного воронья.
По дороге, что лентой стелется,
что изрублена, видит Бог,
русокося ясна девица,
в волосах голубой цветок.
Её руки — не толще веточек,
её стопы — балетный свод,
она будет из добрых девочек,
из наивных святых сирот.
Её платице — бедность мрачная,
её крестик — металл да нить.
Эта девочка столь прозрачная,
её вряд ли разговорить.
По дороге, где грязь окраины,
там, где воины начеку,
эта девочка неприкаянная
начинает собой строку.
Молчаливую, милосердную,
утопающую во тьме.
Эта девочка — достоверная,
как война, что в моём окне.
На ладонях кресты да линии,
на глазах пелена дождя,
эту девочку звать Марию.
И она на две трети я.

II

У Марии был дом — занавески и витражи,
был отец, который ей говорил: «Ложи!»
Был берёзовый шкаф, и была кровать,
вот такое счастье: ковать — не перековать.
А теперь у Марии что? На окошке скотч,
за окошком ночь и в окошке ночь,
где бесшумные призраки — конвоиры снов —
не находят для этой девочки даже слов.
Всё сплошное лязганье, грохот, треск,
у Марии есть мать, у матери есть компресс,
а ещё икона, на которой позолоченный Николай
обещает Марии тихий небесный рай.

ОБ АВТОРЕ

РЕВЯКИНА

Анна Николаевна

Член Союза писателей России, Союза писателей ДНР и Союза писателей Республики Крым. Стихи переведены на 9 языков. Обладатель и финалист множества международных и национальных премий, в том числе Гран-при VIII Международного литературного фестиваля «Чеховская осень», специального приза «Слова на вес золота» еженедельника «Аргументы и факты», Национальной российской премии «Лучшие книги и издательства года — 2018» в номинации «Поэзия», премии «Книга года» (в соавторстве) и других.

О ХУДОЖНИКЕ

ТОЛСТОУСОВА

Юлия Сергеевна

Родилась 28 ноября 1983 года в Макеевке.
Образование: Макеевская детско-юношеская художественная школа, Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, специальность «Архитектура и дизайн».
После окончания вуза работала по специальности.

В первые дни войны вступила в состав Казачьего союза «Область Войска Донского» под командованием войскового Атамана Юрия Сафоновко. В том же году была прикомандирована к батальону «Меч» (Макеевка), позднее переименованному в 3-ю Отдельную мотострелковую бригаду «Беркут», в 2016 году ушла из армии. В 2017 году занялась иллюстрацией. В период с 2017 по 2021 год проиллюстрировала более 40 книг для детей и взрослых.